

ЕЛЕНА КОПС

ПРАВИЛА ОТЕЛЯ “МАРЕВО”

РОМАН

Когда страсть нарушает все границы

18+

18+

Елена Копс

Правила отеля "Марево"

«Автор»

2026

Копс Е.

Правила отеля "Марево" / Е. Копс — «Автор», 2026

Отель «Марево» на скалистом океанском побережье — единственное убежище Марины Востоковой. Похоронив прошлое и научившись никому не доверять, она превратила отель в идеальный, безупречный мир. Но этот мир рушится в один день, когда контрольный пакет акций выкупает мощный лондонский инвестиционный фонд. Дэниэль Кроу — безжалостный корпоративный оптимизатор, не знающий поражений, он привык измерять жизнь коэффициентами прибыли и вычищать компании до костей. Он приехал в «Марево», чтобы подготовить объект к выгодной ликвидации. Однако разразившийся ураган, отрезавший отель от материка, путает все карты. Запертые в полумраке комнат, среди шума ревущего океана и ароматов кедра и лаванды, они заключают негласный контракт: Роман строго до конца летнего сезона. Никаких чувств, вопросов о будущем и обещаний. Полная секретность и сугубо физическая страсть. Чувственность (18+)

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	25
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Копс

Правила отеля "Марево"

1

Прохлада винного погреба отеля «Марево» всегда действовала на Марину Востокову как успокоительное. Здесь, среди стройных рядов дубовых стеллажей, где покоились бутылки винтажного бордо и терпкого тосканского, время текло иначе. Оно густело, замедлялось, подчиняясь строгим правилам выдержки. Здесь не было места хаосу, непредсказуемости или человеческим слабостям. Была лишь идеальная, выверенная годами система, которую Марина создавала собственными руками.

Она осторожно провела кончиками пальцев по пыльному стеклу бутылки *Château Margaux* 2010 года. Стекло было ледяным, шероховатым. Марина сделала глубокий вдох, наполняя легкие ароматом сырой земли, пробки и старого дерева, когда тишину подземелья разорвал резкий, почти истеричный звонок мобильного телефона.

Вздвогнув, она отдернула руку и достала телефон из кармана приталенного изумрудного жакета. На экране высветилось имя Альберта — старшего партнера юридической фирмы, обслуживающей интересы мажоритарных акционеров отеля. Тех самых «спящих» инвесторов, которые годами не вмешивались в управление, пока Марина стабильно обеспечивала им высокую прибыль.

— Слушаю, Альберт, — ровно произнесла она. Ее голос, низкий и бархатистый, эхом отразился от каменных сводов погреба.

— Марина. Доброе утро, — голос адвоката звучал неестественно бодро, что мгновенно заставило ее внутренне напрячься. — Я звоню, чтобы уведомить тебя о завершении сделки. Документы подписаны час назад.

Марина замерла. Холод от каменного пола, казалось, начал подниматься по ее ногам, просачиваясь сквозь тонкую кожу итальянских туфель.

— Какой сделки? — она заставила себя говорить медленно, хотя сердце уже сбилось с привычного ритма. — О чем ты говоришь, Альберт? Мы обсуждали рефинансирование только в следующем квартале.

— Совет директоров принял решение не дожидаться следующего квартала. Пакет акций в шестьдесят процентов продан.

Слова повисли во влажном воздухе погреба тяжелыми, свинцовыми каплями. Шестидесят процентов. Контрольный пакет. Отель «Марево» — ее детище, ее жизнь, ее убежище на скалистом берегу — больше не принадлежал тем, с кем она привыкла работать.

— Кому? — только и смогла выдавить она, чувствуя, как внутри сжимается тугая пружина ярости и бессилия.

— Инвестиционному фонду «*Aegis Capital*». Марина, послушай, — тон Альберта стал заискивающим, — это невероятно выгодная сделка. Рынок меняется. Тебе придется адаптироваться. Представитель фонда, их управляющий партнер, уже в пути. Он должен прибыть с минуты на минуту.

— С минуты на минуту? — ее голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки, выпрямив спину, словно адвокат мог видеть ее сквозь экран телефона. — Вы продали отель за моей спиной и сообщаете мне о приезде нового владельца, когда он уже подъезжает к воротам?

— Это корпоративная этика, Марина. Желаю удачи. Он... сложный человек. Его зовут Дэниэль Кроу.

Гудки отбоя прозвучали как выстрелы.

Марина опустила телефон, прикрыв глаза. Дэниэль Кроу. Это имя было ей знакомо. В узких кругах гостиничного бизнеса о нем ходили мрачные легенды. Человек-скальпель. Безжалостный корпоративный оптимизатор, который скупал перспективные активы, вычищал их до костей, избавляясь от «нерентабельных» элементов — будь то старинный декор или люди, отдавшие компании десятки лет, — и либо продавал втридорога, либо встраивал в бездушные сетевые машины.

Она глубоко вздохнула, заталкивая панику в самый дальний угол сознания. Паника — это роскошь, которую управляющая премиальным бутик-отелем позволить себе не могла. «Марево» был не просто бизнесом. Это был живой организм, дышащий соленым ветром и ароматом сосен. И она не позволит корпоративному стервятнику растерзать его без боя.

Покинув погреб, Марина поднялась по винтовой лестнице в лобби. Разница температур и атмосфер ударила по чувствам: здесь, на первом этаже, царствовал свет. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на бескрайнюю синеву бушующего океана. Свежий, солоноватый бриз проникал через приоткрытые стеклянные двери, смешиваясь с успокаивающим, тонким ароматом свежей лаванды, огромные букеты которой стояли в напольных фарфоровых вазах.

Но привычного спокойствия в лобби не было. Воздух звенел от напряжения.

Персонал — ее вышколенная, идеальная команда — двигался как-то дергано. Портье Макс нервно поправлял и без того безупречный галстук. Старший администратор Анна неотрывно смотрела в монитор, кусая губы, и даже обычно невозмутимый консьерж слишком суетливо раскладывал буклеты. Слухи в таких местах распространяются быстрее степного пожара. Они уже знали.

Марина подошла к стойке ресепшена из темного полированного дерева. Она оперлась о нее руками, чувствуя гладкую, прохладную поверхность. Это было ее капитанский мостик.

— Анна, Макс, — ее голос прозвучал негромко, но с той непререкаемой властью, которая заставила обоих сотрудников мгновенно вытянуться по струнке. — Я вижу, до вас уже дошли новости. Да, у нас сменился мажоритарный акционер. Да, сегодня прибывает инвестор. И нет, это не конец света.

Она обвела их строгим, но поддерживающим взглядом своих темных, почти черных глаз.

— «Марево» славится своим сервисом. Мы продаем не просто кровати и завтраки. Мы продаем безупречность, эстетику и покой. И я не потерплю, чтобы личная тревога отражалась на лицах персонала. Улыбки. Спины прямо. Работаем по протоколу VIP-встречи. Все ясно?

— Да, Марина Викторовна, — почти хором ответили они, и Марина физически ощутила, как градус напряжения в лобби немного спал. Ее уверенность всегда была для них щитом.

Она отошла к окну, поправляя несуществующую складку на своем жакете. Ее броня была идеальна: строгий силуэт, волосы цвета темного каштана, убранные в гладкий, низкий узел, минимум макияжа, подчеркивающего высокие скулы и волевою линию подбородка. Ни единой детали, за которую мог бы зацепиться взгляд критика.

В этот момент на подъездной дорожке, вымощенной белым камнем, мягко зашуршали шины.

Черный, отполированный до зеркального блеска *Mercedes Maybach* плавно вынырнул из тени кипарисовой аллеи и остановился у главного входа, резко контрастируя с дикой, первозданной природой побережья. Автомобиль выглядел как инородное тело, как гладкий обсидиановый нож, брошенный на теплый песок.

Марина замерла у окна, не в силах отвести взгляд. Дверца открылась.

Сначала на белый камень ступила нога в безупречно начищенном оксфорде. Затем из машины поднялся он.

Дэниэль Кроу оказался выше, чем она предполагала по фотографиям в бизнес-изданиях. В нем не было той рыхлой, вальяжной тяжести, свойственной многим богатым инвесторам.

Напротив, каждое его движение было скупым, выверенным и пугающе хищным. Темно-синий костюм, сшитый на заказ, сидел на его фигуре как вторая кожа, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Темные волосы были зачесаны назад с небрежной элегантностью, которую невозможно купить, с ней нужно родиться.

Он не стал смотреть на океан. Большинство гостей, выходя из машины, замирали, ошеломленные открывающимся видом на сверкающую воду и скалы. Дэниэль Кроу даже не повернул головы в сторону горизонта. Его взгляд — цепкий, холодный, сканирующий — сразу вонзился в фасад здания. Марина видела, как его глаза скользнули по колоннам, по лепнине балконов, словно он в уме мгновенно высчитывал стоимость их реставрации, амортизацию и потенциальную маржинальность.

Хищник. Абсолютный, безжалостный альфа-хищник, ступивший на ее территорию.

Странная, иррациональная дрожь пробежала по позвоночнику Марины. Это был не страх за свою должность. Это была древняя, инстинктивная реакция тела на присутствие того, кто сильнее. Мелкие волоски на ее руках приподнялись, а во рту внезапно пересохло. Она глубоко вдохнула через нос, подавляя эту слабость, сжала руки в кулаки до побеления костяшек и направилась к входным дверям.

Швейцар распахнул перед гостем стеклянные створки. Дэниэль Кроу перешагнул порог лобби.

Воздух в помещении мгновенно изменился. Казалось, он вытеснил из зала весь кислород, заполнив пространство своей тяжелой, давящей аурой. Запах соленого бриза и сладковатой, мягкой лаванды внезапно отступил под натиском его парфюма — сухого, пронзительного аромата кедра, терпкого сандала и чего-то неуловимо металлического, холодного, как воздух перед грозой. Этот запах вторгся в личное пространство, подчинял его себе.

Марина сделала три шага навстречу, останавливаясь на идеальном, предписанном этикетом расстоянии. Ни слишком близко, чтобы не выказать фамильярность, ни слишком далеко, чтобы не показаться слабой.

— Добрый день, мистер Кроу. Добро пожаловать в «Марево», — ее голос звучал безукоризненно ровно. Идеальная, заученная интонация гостеприимства, лишенная малейшего намека на раболепие.

Он остановился. Его взгляд медленно опустился с высоты резных потолков лобби и сфокусировался на ней.

У него были глаза цвета зимнего неба перед снегопадом — серые, холодные, с колючими льдинками в глубине радужки. Они не скользнули по ее фигуре оценивающе, как это часто делали мужчины его статуса. Его взгляд был направлен прямо ей в лицо, изучающий, пронизывающий насквозь, словно он читал не ее внешность, а ее резюме, балансовые отчеты и потаенные страхи одновременно.

— Добрый день. Вы, должно быть, Марина Востокова, — его голос оказался неожиданно низким, с легкой, почти незаметной хрипотцой, от которой внутри у Марины почему-то сжался желудок. — Операционный директор и... миноритарный партнер.

Он произнес последнее слово с едва уловимой интонацией, которая давала понять: он в курсе расстановки сил. Ее доля ничтожна. Власть здесь принадлежит ему.

— Верно, — она чуть вздернула подбородок, не отводя взгляда. Взаимное сканирование продолжалось. Марина искала в нем слабое место — каплю пота на виске от жары, суетливость в руках, малейший признак усталости с дороги. Ничего. Он стоял перед ней, как монолит из дорогой ткани и стали. — Мы не ждали вас так скоро. Юристы сообщили о завершении сделки лишь пятнадцать минут назад. Но ваши апартаменты уже готовы. Мы отвели вам пентхаус в южном крыле.

Дэниэль заложил руки в карманы брюк, слегка склонив голову набок. Он осмотрел лобби. Марина проследила за его взглядом: идеально отполированный мрамор пола, в котором отра-

жалось солнце, тяжелые портьеры, хрусталь люстр, вышколенный персонал, замерший за стойкой ресепшена.

— У вас здесь идеальный порядок, Марина, — медленно произнес он. Его тон был задумчивым, но в нем не было восхищения. Скорее, это была констатация факта. Анализ данных. — Ни одной пылинки. Сотрудники выдрессированы так, будто мы в Букингемском дворце, а не в отеле на краю материка.

— Мы гордимся нашим уровнем сервиса. Наши гости платят за абсолютный комфорт и отсутствие изъянов, — с холодной профессиональной гордостью ответила она, парируя его скрытую насмешку.

Он сделал медленный шаг к ней. Всего один шаг, но он сократил дистанцию между ними ровно настолько, чтобы аромат сандала и кедра ударил ей в голову с новой силой. Марина заставила свои ноги прирасти к полу. Отступить сейчас означало бы проиграть первую, негласную битву.

Она почувствовала исходящий от него жар. Несмотря на внешний холод и сдержанность, этот мужчина излучал мощную, подавляющую энергию. Дэниэль смотрел на нее сверху вниз, его серые глаза потемнели. Он был так близко, что она могла разглядеть едва заметную пульсацию жилки на его сильной шее, прямо над узлом темно-синего шелкового галстука.

Между ними повисла густая, осязаемая тишина. Это не было обычным неловким молчанием двух незнакомцев. Воздух между ними искрил от невысказанного противостояния. Он оценивал ее границы, она выстраивала глухую оборону. Но под этим деловым антагонизмом билось что-то еще, темное и вибрирующее. Легкая искра раздражения, вспыхнувшая в Марине, странным образом переплеталась с внезапным осознанием того, насколько привлекательна линия его губ — жестких, четко очерченных, не привыкших улыбаться.

Она моргнула, отгоняя эту абсолютно неуместную мысль, и мысленно дала себе пощечину.

— Анна проводит вас в номер, — Марина сделала жест рукой в сторону стойки ресепшена, разрушая гипнотическое напряжение момента. — Отель в вашем распоряжении. Если вам понадобятся финансовые отчеты или штатное расписание, они будут на вашем столе через десять минут.

Дэниэль не сдвинулся с места. Его взгляд скользнул от ее глаз к напряженной линии губ, затем к изящной шее, где бился частый пульс, выдав ее внутреннее волнение, и снова вернулся к глазам. Уголок его рта едва заметно дернулся — не улыбка, а лишь намек на нее. Словно он прочитал ее реакцию и остался удовлетворен.

— Отчеты подождут до завтра, — произнес он, и его глубокий голос прозвучал как приговор. — Завтра мы начнем полный аудит. Каждого номера. Каждого сотрудника. Каждой строчки расходов.

Марина почувствовала, как внутри нее поднимается холодная волна гнева. Он даже не распаковал чемоданы, а уже готов резать ее отель по живому.

— Как вам будет угодно, мистер Кроу. Я буду сопровождать вас лично, — ее голос обманчиво звенел любезностью. — Я знаю здесь каждый сантиметр. Никто не ответит на ваши вопросы лучше меня.

Дэниэль наконец отступил, слегка кивнув. Он взял протянутую Анной черную пластиковую карту-ключ, не глядя на администратора. Его внимание все еще было приковано к Марине.

В нем читалось сдержанное превосходство человека, который привык забирать свое. А Марина, со своей идеальной осанкой и ледяным спокойствием, была для него лишь досадной, хотя и интригующей преградой.

Он повернулся к лифтам, но, сделав пару шагов по мраморному полу, вдруг остановился. Медленно обернувшись через плечо, Дэниэль посмотрел на Марину. Океанский бриз ворвался в открытые двери, играя полами его дорогого пиджака и трепля ее темные волосы.

Его взгляд снова окинул холл, лепнину, фарфоровые вазы, а затем остановился на ее лице, отмечая ту яростную, защитную любовь к этому месту, которая горела в ее глазах, несмотря на всю внешнюю невозмутимость.

— У вас красивый отель, Марина, — его голос был ровным, лишенным каких-либо эмоций, но слова ударили точнее пули. — Жаль, что эмоциональная привязанность к стенам обычно губит бизнес.

Не дожидаясь ответа, он вошел в открывшиеся двери лифта. Стальные створки сомкнулись, отрезая его от холла.

Марина осталась стоять посреди лобби, чувствуя, как внутри нее колотится сердце. В воздухе все еще висел тяжелый, возбуждающий аромат кедра и сандала, навсегда перебивший запах лаванды. Игра началась. И интуиция подсказывала ей, что правила в ней будут жестокими, а ставки — недопустимо высокими. Опаснее всего было то, что легкая дрожь, все еще гуляющая по ее телу, была вызвана не только гневом.

2

Утро началось с головной боли и вкуса крепкого, обжигающего горло эспрессо. Марина Востокова спала от силы три часа. Всю ночь перед ее глазами стояла одна и та же картина: хищный, оценивающий взгляд серых глаз и запах сухого кедра, который, казалось, вьелся в мрамор лобби и теперь преследовал ее даже в спальне ее служебной квартиры.

Она стояла перед зеркалом, застегивая мелкие жемчужные пуговицы на глухой шелковой блузке цвета слоновой кости. Строгая юбка-карандаш графитового оттенка сидела безупречно, подчеркивая изгиб бедер, но при этом оставалась в рамках жесточайшего дресс-кода. Волосы были стянуты в тугий, гладкий пучок — ни единого выбившегося локона. Сегодня она шла на войну, и ее противник не прощал ни малейшей слабости.

Ровно в восемь ноль-ноль Марина спустилась в холл. Дэниэль Кроу уже был там.

Он стоял у панорамного окна, разговаривая по телефону. Сегодня на нем не было пиджака — только темно-синие брюки идеального кроя и белоснежная рубашка, рукава которой были небрежно, но элегантно закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья с легким загаром и дорогие платиновые часы. Галстук отсутствовал, а верхняя пуговица рубашки была расстегнута. Эта кажущаяся расслабленность таила в себе еще большую угрозу, чем его вчерашний протокольный костюм. Он выглядел как человек, готовый закатать рукава и лично выпотрошить ее бизнес.

— ...передайте совету, что я пришлю предварительный срез к вечеру, — произнес он в трубку по-английски, с идеальным британским акцентом. Заметив Марину, он сбросил вызов и сунул телефон в карман. — Доброе утро, Марина. Вы пунктуальны.

— В гостиничном бизнесе опоздание на минуту равносильно потере гостя, мистер Кроу, — сухо ответила она, подходя ближе. В руках она держала кожаную папку с мастер-ключами и планшет с полным пакетом операционной документации. — Если вы готовы, я предлагаю начать снизу. С того, что скрыто от глаз постояльцев, но обеспечивает жизнедеятельность «Марево».

— Ведите, — коротко бросил он.

Инспекция началась с технического этажа и подсобных помещений. Марина намеренно провела его через самые жаркие и шумные артерии отеля. Они спустились в цокольный уровень, где гудели мощные бойлеры и системы очистки воды. Здесь пахло металлом, озоном и нагретым пластиком.

Дэниэль двигался за ней бесшумно, как тень, его глаза фиксировали каждую деталь. Он задавал вопросы резкими, короткими рублеными фразами, требуя цифр, а не рассуждений.

— Каковы затраты на электроэнергию в пиковый сезон? — Тридцать две тысячи евро в месяц. Мы используем автономные генераторы для поддержания бесперебойной работы спакмплекса. — Почему не солнечные панели на южной крыше? — Здание имеет статус исторического значения, региональный комитет по архитектуре запретил изменять внешний вид кровли.

Они перешли в прачечную. Здесь царил влажный, густой жар от огромных промышленных прессов и витал резкий запах крахмала и профессиональных отбеливателей. Женщины в униформе безостановочно сортировали горы белоснежного белья. Заметив Марину и высокого, мрачного незнакомца, они заметно занервничали, но Марина успокаивающе кивнула старшей смене.

Дэниэль подошел к столу, где лежали стопки свежесглаженных пододеяльников, и провел длинными пальцами по ткани.

— Египетский хлопок, — констатировал он, даже не глядя на маркировку. — Шестьсот нитей на дюйм?

— Восемьсот, — поправила Марина, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало торжество. — Для всех номеров, включая стандартные.

Он резко повернулся к ней. В его глазах блеснул холодный, расчетливый свет. — Это нецелесообразно. Для номеров базовой категории стандарт индустрии — триста нитей. Разница в стоимости закупки и амортизации составляет почти сорок процентов. Вы сжигаете маржу на том, чего большинство гостей даже не заметит.

— Гости «Марево» замечают всё, мистер Кроу. Именно поэтому процент нашего возврата — шестьдесят восемь. Люди платят за ощущение абсолютной роскоши, которая касается их кожи, — Марина выдержала его тяжелый взгляд, не отступив ни на миллиметр. — Если мы заменим хлопок на смесовую ткань, мы станем просто еще одним дорогим отелем на побережье, а не «Марево».

Дэниэль медленно сократил расстояние между ними. Влажный жар прачечной словно отступил, сменившись ледяным напряжением. — Запомните одну вещь, Марина. Я здесь не для того, чтобы сохранять вашу романтическую философию гостеприимства. Я здесь, чтобы цифры в столбце прибыли оправдывали инвестиции моего фонда. Ваша «абсолютная роскошь» — это операционная дыра.

Он обошел ее, оставив в воздухе шлейф своего древесного парфюма, и направился к выходу из прачечной. Марина стиснула зубы так сильно, что свело челюсть. Спорить с ним сейчас было бесполезно — он понимал только язык таблиц и графиков, игнорируя душу этого места.

Следующие три часа превратились в изощренную пытку. Они осмотрели кухню, где шеф-повар Эдуард, темпераментный француз, едва не бросился на Дэниэля с разделочным ножом, когда тот поставил под сомнение необходимость ежедневных поставок свежих трюфелей из Пьемонта. Они прошли через склады, зоны отдыха персонала, винный погреб и административные кабинеты.

Дэниэль был безжалостен. Он находил неэффективность там, где Марина видела заботу о качестве. Он требовал сократить штат горничных, автоматизировать часть работы консьерж-сервиса и пересмотреть контракты с локальными фермерами в пользу крупных оптовых поставщиков.

К полудню они поднялись на этажи. Лифт двигался бесшумно, унося их на верхний, седьмой уровень здания. Кабина была просторной, отделанной красным деревом и зеркалами, но в присутствии Дэниэля она казалась Марине размером со спичечный коробок.

Они стояли рядом. Слишком близко. Марина смотрела на мелькающие цифры этажей на цифровом табло, физически ощущая тепло, исходящее от его крупного тела. Она слышала его ровное дыхание. Запах кедра, сандала и легкий, едва уловимый аромат чистого мужского пота после нескольких часов на ногах заполнял замкнутое пространство, заставляя ее делать неглубокие вдохи, чтобы не позволить этому запаху проникнуть слишком глубоко в легкие.

Дэниэль молчал, но Марина чувствовала на себе его взгляд. В отражении полированных дверей она видела, как он изучает ее профиль — напряженную линию шеи, крепко сжатые губы, побелевшие пальцы, вцепившиеся в кожаную папку.

Лифт мелодично звякнул, двери разъехались.

— Мы на месте, — выдохнула Марина, радуясь возможности вырваться из этой удушающей близости. — Пентхаус «Империял». Жемчужина нашего отеля. В данный момент он пустует, бронь начинается с послезавтрашнего дня.

Они прошли по мягкому ковру коридора. Марина приложила мастер-карту к замку тяжелой двустворчатой двери. Замок тихо щелкнул, и она распахнула створки, пропуская инвестора вперед.

Внутри суежилась Анна, старший администратор, вместе с двумя горничными. Они проверяли готовность номера, поправляя и без того идеальные композиции из свежих орхидей на мраморных консолях.

— Марина Викторовна, мистер Кроу, — Анна выпрямилась, нервно сглотнув. — Номер полностью убран и готов к сдаче.

Дэниэль даже не удостоил их взглядом, проходя в центр огромной гостиной, залитой полуденным солнцем.

— Оставьте нас, — бросила Марина персоналу, желая избавить своих людей от тяжелого, сканирующего взгляда инвестора.

Анна кивнула, быстро собрав горничных, и они бесшумно покинули пентхаус. Дверь закрылась с мягким, но тяжелым щелчком, отрезав Марину и Дэниэля от остального мира.

Они остались одни.

Пентхаус «Имperiал» был произведением искусства. Двухуровневое пространство площадью более двухсот квадратных метров с панорамным остеклением, открывающим захватывающий дух вид на бескрайнюю акваторию и изрезанную скалами береговую линию. В отделке использовались только натуральные материалы: светлый дуб, шелк, дикий камень. Пространство дышало свободой, роскошью и абсолютным уединением.

Дэниэль медленно прошелся по гостиной, его шаги поглощал густой ворс ковра ручной работы. Он осмотрел каминную зону, встроенный бар из оникса, лестницу, ведущую в спальню на втором уровне. Но его внимание, как и ожидала Марина, привлекла главная архитектурная особенность номера.

Он подошел к огромным раздвижным стеклянным дверям и рывком открыл их, выходя на террасу.

Это был даже не балкон. Это была гигантская, парящая над обрывом открытая площадка с собственным инфинити-бассейном, зоной для загара и обеденным столом под навесом из вьющихся растений. Ветер с океана тут же ударил в лицо, растрепав идеально уложенные волосы Дэниэля и заставив Марину придержать рукой выбившуюся прядь.

Она вышла вслед за ним, остановившись в нескольких шагах позади.

Дэниэль подошел к стеклянному ограждению и посмотрел вниз, на разбивающиеся о скалы волны, а затем обвел взглядом масштабы террасы. Его лицо потемнело. Он достал планшет из рук, который носил с собой, и быстро пробежался пальцем по экрану.

— Сто двадцать квадратных метров, — произнес он, поворачиваясь к ней. Его голос перекрывал шум ветра. — Сто двадцать метров полезной площади, подвешенной в воздухе. Вы понимаете, что это такое, Марина?

— Это лучшая смотровая площадка на всем побережье, — спокойно ответила она. — Причина, по которой этот номер бронируют арабские шейхи и голливудские звезды на месяцы вперед.

— Это операционный абсурд, — отрезал Дэниэль, делая шаг к ней. Его глаза сузились, превратившись в две серые, опасные щели. — Это мертвая зона. На этих ста двадцати квадратах можно было бы разместить два дополнительных номера категории «Делюкс». Вы теряете колоссальные деньги каждый день, оставляя это пространство пустым ради того, чтобы один гость мог поплавать в личном бассейне и посмотреть на чаек.

Внутри Марины вспыхнул огонь. Это было уже слишком. Он посягал не просто на цифры, он посягал на концепцию, на замысел, который делал «Марево» уникальным.

— Вы мыслите квадратными метрами и коэффициентом плотности застройки, мистер Кроу! — она сделала шаг навстречу, нарушая дистанцию, ее голос зазвенел от сдерживаемой ярости. — Но люди, которые платят десять тысяч евро за ночь, не покупают спальное место. Они покупают воздух. Они покупают свободу. Они покупают иллюзию того, что весь этот океан принадлежит только им. Эта терраса — не мертвая зона. Это душа пентхауса. Архитектор

спроектировал ее как мост между скалой и морем. Застеклить ее, разделить перегородками — значит уничтожить саму суть отеля!

Дэниэль смотрел на нее сверху вниз. Ветер трепал подол ее юбки и тонкий шелк блузки. Марина тяжело дышала, ее грудь быстро вздымалась, щеки пошли пятнами гневного румянца. Она ожидала, что он начнет кричать в ответ, задавит ее авторитетом или просто уволит на месте за дерзость.

Но он не сделал ни того, ни другого.

Вместо этого он слегка склонил голову, изучая ее лицо с каким-то новым, странным интересом. В его взгляде промелькнуло что-то хищное, голодное. На секунду Марине показалось, что он наслаждается ее гневом. Ему нравилось, как она бросала ему вызов, как вспыхивали ее темные глаза.

— Душа пентхауса, — эхом повторил он, и его голос внезапно стал ниже, мягче, приобретая обволакивающие, бархатистые обертоны. — Красивые слова, Марина. Но я инвестор. Я не верю в души зданий. Я верю в ROI — возврат инвестиций. И этот балкон — непозволительная роскошь.

Он резко отвернулся и пошел обратно в номер.

Марина, чувствуя, как адреналин все еще кипит в крови, шагнула за ним, задвигая за собой тяжелую стеклянную дверь. Шум океана и ветра мгновенно отрезало. В пентхаусе воцарилась звенящая, абсолютная тишина. Система климат-контроля бесшумно подавала прохладный воздух.

Дэниэль не пошел в центр гостиной. Он остановился у стены справа от входа, почти вплотную к панорамному окну, выходящему на юг. Его внимание привлек план эвакуации при пожаре, оформленный в строгую металлическую рамку, который, по правилам безопасности, висел на видном месте.

Марина подошла к нему, готовая продолжить спор о реструктуризации пространства.

— Если вы посмотрите на чертежи несущих конструкций, вы поймете, что надстройка здесь невозможна без... — начала она, вставая рядом с ним.

И тут же осеклась.

Она не рассчитала дистанцию. Дэниэль чуть сдвинулся, и она оказалась зажата между его крупным телом, стеной с планом эвакуации и панорамным окном.

Он не касался ее. Между их плечами оставалось несколько сантиметров, но в этой тишине и замкнутом пространстве Марина физически ощутила, как вокруг него плавится воздух. От него исходило мощное, сухое тепло, подобное жару от нагретого на солнце камня. Этот жар пробивался сквозь плотный хлопок его рубашки, сквозь шелк ее блузки, оседая на ее коже.

Дэниэль не смотрел на нее. Он внимательно изучал план, чуть прищурившись. Но Марина видела, как напряглись мышцы на его челюсти.

Она хотела сделать шаг назад. Инстинкт самосохранения кричал ей, что нужно немедленно увеличить дистанцию. Это было опасно. Непрофессионально. Но ее ноги словно приросли к паркету. Дыхание перехватило.

Панорамное окно рядом с ними, залитое ярким светом снаружи и контрастирующее с относительной полутенью комнаты, сработало как идеальное зеркало.

Марина подняла глаза. И в этом темном, полупрозрачном отражении оконного стекла их взгляды пересеклись.

Дэниэль не смотрел на план эвакуации. Он смотрел на ее отражение. Его серые глаза, обычно холодные и расчетливые, сейчас казались темными, почти черными. В них плескалось нечто тяжелое, густое, первобытное.

Время остановилось. Воздух в пентхаусе стал тяжелым, вязким, его невозможно было вдохнуть. Марина стояла, парализованная этим взглядом в зеркале. Она видела свое собственное побледневшее лицо, свои расширенные зрачки, и его хищный профиль рядом.

Одна секунда. Ей следовало отвести взгляд. Это была простая субординация. Две секунды. Он не моргал, его грудь медленно поднялась от глубокого вдоха. Три секунды. Тишина звенела в ушах Марины ритмичными ударами ее собственного пульса. Жар от его тела стал почти невыносимым, он обжигал, притягивал, ломал волю. Четыре секунды. Губы Даниэля чуть приоткрылись. В этом микроскопическом движении было столько невысказанного, подавленного желания, что у Марины закружилась голова. Пять секунд. Напряжение достигло критической массы. Искра, проскочившая между ними вчера в лобби, прямо сейчас грозила превратиться в пожар, который сожжет дотла все ее выверенные правила, ее броню, ее карьеру. Они оба знали, что происходит. И оба отрицали это, не смея пошевелиться, запертые в ловушке собственного отражения.

Дэниэль первым разорвал зрительный контакт.

Он медленно опустил веки, а когда открыл их снова, наваждение исчезло. В его глазах снова появился лед инвестора. Он отвернулся от окна, переведя взгляд на свои руки.

Марина судорожно выдохнула, словно вынырнула из-под воды. Она крепче сжала планшет, готовясь сделать шаг назад, прочь из этой опасной зоны его гравитации.

Но Дэниэль вдруг поднял руку. Медленным, выверенным движением он начал поправлять манжету своей рубашки. Его пальцы скользнули по дорогой ткани, застегивая пуговицу.

В этот момент Марина попыталась перехватить планшет поудобнее, ее рука дрогнула.

Их движения пересеклись. Пальцы Даниэля — длинные, твердые, чуть шершавые — случайно скользнули по открытому участку кожи на ее запястье.

Это было мимолетное, почти невесомое касание. Всего доля секунды. Кожа к коже.

Но для Марины это прикосновение сработало как удар электрического тока напряжением в тысячу вольт. Разряд пронзил ее руку, откликнувшись острой, спазмирующей болью внизу живота. Она резко втянула воздух сквозь зубы, ее глаза широко распахнулись.

Даниэль замер. Его рука остановилась на миллиметр от ее запястья. Он не отдернул ее, как сделал бы человек, случайно задевший другого. Он оставил руку там, словно чувствуя исходящие от нее вибрации.

Марина физически не могла пошевелиться. В том месте, где его пальцы только что коснулись ее кожи, горел невидимый ожог. Но хуже всего было другое. Ее сердце, сорвавшись с ритма, заколотилось как сумасшедшее. Пульс на запястье, прямо под тем местом, где замерла его рука, забился с такой бешеной, неконтролируемой силой, что вена натянулась под тонкой кожей. Тук-тук-тук. Быстро. Слишком быстро. Выдавая ее с головой.

Она с ужасом поняла, что он это видит. Он это чувствует.

Дэниэль медленно повернул голову. Его глаза опустились на ее запястье, к пульсирующей венке, а затем плавно поднялись к ее лицу. Взгляд снова стал темным, но теперь в нем появилась пугающая, торжествующая осознанность. Он понял всё. Он почувствовал ее реакцию — первобытную, женскую, не поддающуюся контролю.

Уголок его губ дрогнул в едва заметной, дьявольской полуулыбке.

Он наклонился к ней. Настолько близко, что его губы оказались в дюйме от ее виска. Запах кедра и горячего тела полностью окутал ее, лишая способности мыслить рационально.

— Какой у вас частый пульс, Марина, — его голос понизился до бархатного, вибрирующего шепота, от которого по спине Марины побежали мурашки. Дыхание Даниэля обожгло ее кожу. — Похоже, моя инспекция заставляет вас... нервничать.

Он медленно выпрямился, окинул ее долгим, тяжелым взглядом, в котором больше не было ни капли делового равнодушия, и, обогнув ее, направился к выходу из пентхауса.

Марина осталась стоять у стены, прижимая планшет к груди, как щит. Ее запястье все еще горело огнем, а в ушах отдавался гул собственного сердца. Инспекция отеля только что переросла в нечто гораздо более опасное — инспекцию ее собственных, тщательно скрываемых границ. И Дэниэль Кроу только что нашел ее самое слабое место.

3

Сумерки густыми, темно-синими чернилами затопили побережье, смывая границу между морем и небом. В кабинете Марины, расположенном в тихом восточном крыле первого этажа, горела только одна настольная лампа. Ее зеленый стеклянный абажур отбрасывал теплый, янтарный круг света на массивную столешницу из мореного дуба.

За окном шелестел прибой, но этот привычный, всегда успокаивающий звук сегодня казался Марине шумом надвигающейся катастрофы.

Она сидела в своем высоком кожаном кресле, не шевелясь уже минут двадцать. Перед ней на идеальной суконной подложке лежал документ. Всего четыре страницы формата А4. Вверху каждого листа красовался лаконичный, отпечатанный сухим шрифтом логотип: *«Aegis Capital. План оптимизации операционных расходов. Фаза I»*.

Марина медленно провела пальцами по краю бумаги. Листы были теплыми — их только что распечатали на принтере в пентхаусе и с курьером спустили в ее кабинет.

Это был не просто отчет. Это был расстрельный список.

Тридцать процентов. Дэниэль Кроу предлагал уволить тридцать процентов штата отеля «Марево» в течение ближайших двух недель.

Она смотрела на колонки цифр, за которыми стояли живые люди. Елена из прачечной — мать-одиночка, воспитывающая двоих детей, которая знала предпочтения каждого постоянного гостя по части кондиционеров для белья. Двое молодых су-шефов, которых шеф-повар Эдуард пестовал последние три года, выстраивая уникальную кухню ресторана. Пожилой консерж Серхио...

Но больно всего ударила строчка в середине второй страницы:

«Пункт 4.2. Оптимизация паркового хозяйства. Перевод обслуживания территории на внешнее подрядное обслуживание (аутсорсинг). Сокращение должности главного садовника (Росси М.)».

— Дядя Матео... — тихо, на пределе дыхания выдохнула Марина в пустую комнату.

Матео Росси работал в «Марево» еще до того, как Марина впервые переступила порог этого отеля. Именно он двадцать лет назад высаживал те самые знаменитые гидрантеи и вьющиеся бугенвиллеи, которые теперь каскадами спадали с каменных террас, превращая отель в ожившую открытку. Матео знал каждый куст, каждый розовый бутон, каждое заболевшее дерево. Он разговаривал с растениями на своем ломаном итальянском и помнил, в какой именно день мая зацветает дикий жасмин у бассейна.

Для Кроу он был просто «строкой затрат». Пожилым человеком шестидесяти восьми лет с несоразмерно высокой для рынка окладом и низкой эффективностью.

Ярость — чистая, жгучая, опаляющая — поднялась из самых глубин естества Марины. Она вспыхнула так резко, что кончики пальцев похолодели. Это была уже не просто защита бизнеса. Это была защита ее семьи. Отель «Марево» выстоял в кризисы, пережил пандемии и смену инвесторов только потому, что у него была душа. А душа состояла из этих людей.

Ступенька за дверью тихо скрипнула.

Марина даже не повернула головы. Она узнала эти шаги. Скупые, тяжелые, уверенные шаги человека, который привык входить в любые двери без стука и спроса.

Дверь кабинета открылась и мягко щелкнула, закрывшись на автоматический защелкивающийся замок.

В кабинет вошел Дэниэль Кроу.

Он успел сменить дневную рубашку на темно-серый кашемировый джемпер с V-образным вырезом, под которым угадывались жесткие линии ключиц. Рукава были слегка подтянуты к локтям. От него больше не веяло офисной строгостью — теперь он выглядел как ноч-

ной хищник, вышедший на охоту после удачного дня. Запах сухого кедра, сандала и вечернего прохладного моря ворвался в кабинет вместе с ним, мгновенно вытеснив запах старой бумаги и воска.

— Вы еще здесь, Марина, — произнес он, окинув комнату быстрым взглядом. Заметив документ на ее столе, он чуть вскинул бровь. — Вижу, вы уже ознакомились с моим предложением.

— Предложением? — Марина медленно поднялась из-за стола.

Ее движение было плавным, но в нем прозирал опасный, натянутый до предела грациозный порыв. Она не стала надевать жакет — осталась в одной шелковой блузке цвета слоновой кости. В полумраке кабинета ее кожа казалась фарфоровой, а глаза — двумя бездонными омутами, в которых бушевал шторм.

— Вы называете *это* предложением, мистер Кроу? — она взяла распечатанные листы за край. Ее пальцы сжались так сильно, что плотная бумага смялась. — Это не предложение. Это приговор. Вы пробыли здесь меньше суток и уже решили уничтожить все, на чем держится «Марево».

Дэниэль не спеша подошел к ее столу. Он встал с противоположной стороны, оперся длинными пальцами о полированное дерево и чуть наклонился вперед. В янтарном свете лампы его лицо казалось высеченным из гранита: резкие скулы, волевой подбородок, покрытый едва заметной вечерней щетиной, и серые глаза, холодные, как свинцовые волны за окном.

— Не драматизируйте, — ровно ответил он. В его голосе не было ни капли сочувствия, только сухая, математическая убежденность. — Это обычная реструктуризация. Фонд выкупил отель не для того, чтобы заниматься благотворительностью. Потери на фонде оплаты труда составляют тридцать два процента от общего бюджета. Это аномалия для объекта подобного формата.

— Аномалия? — Марина сделала шаг вокруг стола, сокращая расстояние между ними. Она бросила смятый документ прямо перед ним на сукно. — Вы называете людей аномалией? Вы внесли в список Матео Росси! Вы вообще знаете, кто это? Вы хотя бы потрудились узнать, чем этот человек занимается в отеле, прежде чем ставить подпись напротив его фамилии?

— Я потрудился изучить его финансово-учетную карточку, — спокойно парировал Дэниэль, даже не взглянув на листы. — Матео Росси шестьдесят восемь лет. Он получает зарплату ведущего специалиста, хотя большую часть дня проводит с секатором у кустов гортензий. Клининговая компания со специализацией на ландшафтном дизайне сделает ту же работу за сорок процентов от его ставки. Без социальных пакетов, без медицинских страховок и без риска того, что он упадет с стремянки из-за возраста.

— Он высаживал эти кусты своими руками! — голос Марины сорвался на вибрирующий, страстный полусшепот. Она подошла еще ближе, остановленная лишь краем стола. — Эти растения зацветают только потому, что он заботится о них как о собственных детях! Гости приезжают сюда ради сада, который выглядит как райский уголок, а не как аккуратно подстриженный газон перед сетевым отелем в пригороде! Матео — часть истории «Марево». Как и Елена. Как и су-шефы. Вы вычищаете из отеля живую кровь, Кроу! Вы оставляете только сухую, мертвую кость!

Дэниэль медленно выпрямился. Он был на голову выше ее, и теперь его тень полностью накрыла Марину, отрезая ее от светящегося абажура лампы.

— Живая кровь? Душа? — в его тоне прорезалась острая, ледяная насмешка. Он обогнул стол, делая шаг в ее сторону. — Перестаньте говорить как поэтесса, Марина. Мы живем в реальном мире. В мире, где через два месяца вашему отелю предстоит выплачивать проценты по инвестиционному кредиту. Если мы не поднимем маржинальность до тридцати пяти процентов, ваш «райский уголок» пойдет с молотка целиком. Вместе с Матео, вместе с вашими гортензиями и вместе с вами.

— И вы решили, что лучший способ сберечь отель — это разорвать его на куски собственными руками? — Марина не отступила ни на сантиметр.

— Я решаю, как сохранить актив, — жестко произнес Дэниэль. — Я делаю то, для чего меня наняли. Я убираю из системы слабые, неэффективные звенья. Если элемент не приносит прибыли или не оптимизирует процесс, ему здесь не место. Это закон бизнеса.

— Люди — не элементы! Они не шестеренки в вашем драгоценном механизме! — ее темные глаза вспыхнули. — Вы смотрите на мир через призму ваших таблиц и графиков, Кроу, но вы абсолютно слепы! Вы не понимаете, что сервис премиум-класса создает не бренд, а человеческое тепло. Если я уволю этих людей, оставшийся персонал будет работать в страхе. Они перестанут улыбаться искренне. Они будут смотреть на гостей как на источник своего выживания. Атмосфера доверия рухнет за один день. И тогда ваши цифры прибыли полетят в бездну!

— Это гипотеза, лишенная доказательной базы, — холодный голос Даниэля отсекал ее аргументы, как лезвие гильотины. — Страх — отличный мотиватор. Он заставляет людей ценить свое место и работать в два раза эффективнее.

— Страх уничтожает преданность! — выкрикнула Марина.

Ее самоконтроль, который она так тщательно выстраивала годами, дал трещину. Много-часовое напряжение, ночная бессонница, сцена в пентхаусе и эта бездушная бумага на столе переполнили чашу. Порыв ярости — чистой, неконтролируемой, дикой — захлестнул ее с головой.

Она сделала быстрый, решительный шаг вперед, сокращая то минимальное расстояние, которое еще отделяло их друг от друга. Марина оказалась вплотную к нему. Ее грудь практически касалась его груди, она вздернула подбородок, снизу вверх глядя в его невозмутимое, раздражающе спокойное лицо.

— Вы монстр, Дэниэль, — выдохнула она прямо ему в лицо. Ее дыхание было частым, горячим, обжигающим. — Бессердечный, высокомерный корпоративный робот. Вы думаете, что можете приехать сюда, щелкнуть пальцами и разрушить то, что создавалось годами? Я не позволю вам этого сделать. Я буду обжаловать каждый пункт этого списка перед советом директоров!

— Совет директоров уже утвердил этот план, Марина, — тихо, почти шепотом ответил он.

Он не отстранился. Напротив, его серые глаза потемнели, превратившись в два грозных жерла. В них больше не было льда — там вспыхнуло опасное, ответное пламя. Ее дерзость, ее близость, ее неконтролируемая страсть разрушили его собственную броню.

— Вы думаете, что защищаете их? — его голос понизился до низкого, вибрирующего гула, от которого у Марины задрожали колени. — Вы просто цепляетесь за свои иллюзии. Вы боитесь перемен. Боитесь признать, что этот отель без моих денег и моих решений — просто красивая декорация, обреченная на банкротство.

— Я боюсь только одного, — Марина подняла руку, тыча пальцем ему в грудь, в мягкую ткань кашемирового джемпера, под которым перекачивались каменные мышцы. — Что вы превратите «Марево» в такое же мертвое, пустое место, как вы сам!

Это было последней каплей.

Дэниэль действовал молниеносно. Прежде чем Марина успела осознать, что произошло, его сильная, шершавая ладонь перехватила ее руку за запястье. То самое запястье, где вчера бешено бился ее пульс. Его пальцы сомкнулись вокруг ее тонкой кисти подобно стальному браслету — не причиняя боли, но полностью лишая возможности двигаться.

— Не смейте указывать мне, кто я такой, — рыкнул он.

Движением, полным скрытой силы, он потянул ее руку вниз и одновременно сделал шаг вперед, вынуждая Марину отступить. Ее спина уперлась в тяжелую деревянную створку входной двери. Замок за спиной слегка звякнул.

Она оказалась зажата. Сзади — глухая, непроницаемая дверь кабинета. Спереди — массивное, пахнущее кедром, морем и горячей кожей тело Даниэля Кроу.

Марина ахнула, попытавшись выдернуть руку, но его хватка была нерушимой. Дэниэль поднял ее руку вверх, прижав ее запястье к дверному полотну прямо над ее головой. Вторая его ладонь легла на дерево рядом с ее талией, окончательно отрезая любые пути к отступлению.

— Вы заходите слишком далеко, Марина, — выдохнул он.

Он наклонился к ней. Наклонился настолько низко, что его жесткие губы оказались в какому-то неполном миллиметре от ее губ.

В кабинете мгновенно выключились все звуки внешнего мира. Исчез шум прибоя за окном, затих шуршащий в саду ветер. Осталось только их рваное, тяжелое дыхание и бешеный, оглушительный стук двух сердец, сливающийся в единый, сумасшедший ритм.

Марина замерла. Ее грудь высоко вздымалась, шелковая ткань блузки трелась о его джемпер при каждом вдохе. Она чувствовала невероятный, удушающий жар, исходящий от него. Ее ярость никуда не исчезла, но сейчас, переплавленная их опасной близостью, она превратилась в чистое, концентрированное электричество.

Она смотрела в его глаза и видела в них свое собственное отражение — распахнутые, темные зрачки, влажные, чуть приоткрытые губы.

— Вы думаете, я не вижу, что происходит? — прошептал Дэниэль. Его взгляд опустился к ее губам. Его дыхание обожгло ее подбородок и шею. — Вы ненавидите меня за этот список. Вы ненавидите меня за то, что я пришел на вашу территорию. Но больше всего вы ненавидите меня за то... что не можете перестать думать обо мне с той самой секунды, как я вышел из машины.

— Вы... бредите, Кроу, — выдавила Марина, но ее голос прозвучал как беспомощный, задышающийся шепот. В нем не было силы. В нем была только мольба и отчаяние.

— Правда? — его губы чуть тронули угол ее рта. Это не был поцелуй — лишь невесомое, призрачное касание, от которого по коже Марины от затылка до пят пробежала сжигающая волна судороги. — Тогда почему ваше сердце сейчас выпрыгивает из груди? Почему вы не зовете на помощь? Дверь заперта, Марина. Мы здесь одни.

Он наклонил голову еще на микроскопическую долю миллиметра. Марина невольно приподнялась на цыпочках, не в силах сопротивляться древнему, безумному притяжению, которое ломало ее волю. Ее свободная рука сама собой поднялась и уперлась в его широкое плечо. Пальцы сжали мягкий кашемир, но не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы удержать баланс в падающем мире.

Их губы почти соприкоснулись. Пространство между ними испарилось. Воздух превратился в раскаленную плазму. Еще секунда — одна-единственная секунда, один глубокий вдох — и их противостояние рухнет, переродившись в дикую, необузданную страсть прямо здесь, у этой закрытой двери...

P-r-p-r-p! P-r-p-r-p!

Резкий, оглушительный, пронзительный звук разрезал тишину кабинета, как удары топора.

Это был не обычный звонок. Это была агрессивная, требовательная вибрация и тяжелый цифровой рингтон личного телефона Даниэля, лежащего в кармане его брюк.

Дэниэль замер. Его тело мгновенно одеревенело. Марина увидела, как в его серых глазах промелькнула вспышка досады — короткая, но настолько отчетливая, что у нее перехватило дыхание.

Телефон продолжал настойчиво, истерично вибрировать, сотрясая тишину комнаты.

Дэниэль не отстранился сразу. Он медленно закрыл глаза, сделав глубокий, тяжелый вдох, словно заставляя себя вернуться из небытия обратно в суровую реальность. Его грудь тяжело надавила на грудь Марины, а затем он так же медленно открыл глаза. В них снова воз-

вращался холодный, стальной блеск, но где-то на самом дне еще тлели угли нерастраченного пожара.

Он выпустил ее запястье. Ладонь Марины бессильно упала вдоль тела, кожа в месте хватки горела от притока крови.

Дэниэль сделал шаг назад, восстанавливая дистанцию. Воздух мгновенно хлынул между ними — холодный, трезвый, отрезвляющий. Марина судорожно вдохнула его, прижимаясь затылком к дверному полотну, чувствуя, как дрожат ее колени.

Дэниэль сунул руку в карман брюк и достал телефон. На светящемся экране крупными буквами горело: «*Aegis Board. Ричард Вэйн*». Председатель совета директоров.

Дэниэль посмотрел на экран, затем перевел взгляд на Марину. Она стояла перед ним — взъерошенная, с пылающими щеками, с темными, огромными глазами и тяжело вздымающейся грудью. Ее броня была разбита вдребезги.

Он проведения большим пальцем по экрану, отклоняя вызов и переводя телефон в бесшумный режим. Он не стал отвечать.

Дэниэль поправил джемпер на плечах, окинул Марину долгим, тяжелым, почти обещающим взглядом, в котором читалась абсолютная, непреклонная уверенность победоносного стратега.

— Мы еще не закончили, Марина, — его голос прозвучал низко, сухо и очень отчетливо. — Ни со списком... ни с нами.

Он развернулся, снял защелку с двери и вышел из кабинета, не закрыв за собой створку.

Марина осталась одна в полумраке комнаты. Она сползла спиной по деревянной двери, пока ее бедра не коснулись пола. Сердце в груди все еще колотилось о ребра, как запертая птица. На столе в круглом свете лампы лежал смятый список на увольнение тридцати процентов персонала, а на её запястье отчетливо алели следы от его пальцев. Она проиграла этот раунд. Но хуже всего было осознание того, что в ту последнюю секунду перед звонком телефона она больше всего на свете хотела, чтобы он переступил этот последний миллиметр.

4

Воздух изменился еще до рассвета.

Марина проснулась в половине пятого утра с тяжелым, пульсирующим чувством давления в висках. Она открыла глаза, лежа в своей постели, и первое, что ощутила — это абсолютную, неестественную тишину. Побережье, обычно наполненное криками чаек, шелестом сосен и мерным дыханием океана, словно замерло. Воздух в комнате казался густым, вязким, как мокрое сукно. Он пах озоном, йодом и гниющей на глубине водорослью.

Это был запах надвигающейся катастрофы. Запах, который местные жители впитывали с молоком матери.

Она резко отбросила одеяло, даже не вспомнив о вчерашнем, выжигающем нервы инциденте в кабинете и о том, как колотилось ее сердце в миллиметре от губ Дэниэля Кроу. Сейчас это не имело значения. Природа диктовала новые правила.

Марина подошла к окну. Небо над горизонтом было не синим и не серым. Оно окрасилось в болезненный, грязно-желтый цвет с багровыми подпалинами, напоминающий старый синяк. Барометр на стене, антикварный прибор из латуни и красного дерева, замер на угрожающе низкой отметке. Давление падало с катастрофической скоростью.

Через десять минут, на ходу застегивая плотную штормовку поверх удобных брюк и водолазки, она уже спускалась в лобби. Ее телефон разрывался от сообщений.

На ресепшене царил контролируемый хаос. Анна стояла с бледным лицом, прижимая к уху трубку стационарного телефона, Макс быстро распечатывал какие-то списки.

— Марина Викторовна! — Анна подняла на нее глаза, полные паники. — Штормовое предупреждение от береговой охраны. Категория четыре. Идет прямо на нас, сместился с юга. Удар прогнозируют к вечеру, но шквалистый ветер начнется уже через пару часов. Трассу на материк грозятся перекрыть к полудню из-за угрозы оползней!

Марина глубоко вдохнула. Категория четыре. Скорость ветра свыше двухсот километров в час. Это не просто летний шторм, это ураган, способный срывать крыши и выбивать бронированные стекла.

— Спокойно, Анна, — голос Марины прозвучал твердо, по-военному четко, мгновенно возвращая персонал в рабочий ритм. — Мы проходили это три года назад. Протокол «Код Красный». Макс, свяжись с транспортными компаниями. Заказывай все свободные микроавтобусы. Всех гостей, у которых вылеты сегодня или завтра, мы эвакуируем немедленно. Компенсация за наш счет. Анна, готовь списки тех, кто остается. Мы переводим их из панорамных люксов в центральное крыло, на нижние этажи. Окна там выходят во внутренний двор, это безопаснее.

— Я уже запросил транспорт. Три автобуса будут через час, — раздался за ее спиной спокойный, низкий голос.

Марина резко обернулась.

Дэниэль Кроу стоял у подножия мраморной лестницы. Сегодня на нем не было ни кашемира, ни шелка. Темно-серые тактические брюки, тяжелые ботинки и простая черная футболка, плотно облегающая широкую грудь. В руках он держал спутниковый телефон. Никакой расслабленности, никакой высокомерной ухмылки. Лицо было жестким, сосредоточенным, глаза — цвета предгрозового неба — сканировали пространство холла, мгновенно оценивая обстановку.

— Мой фонд обслуживается частной охранной компанией, у них есть база в пятидесяти километрах отсюда, — продолжил он, подходя ближе. — Они пришлют бронированные внедорожники для VIP-клиентов.

Марина на секунду замерла, сбита с толку этой внезапной трансформацией. Она ожидала, что лондонский инвестор начнет паниковать, требовать личный вертолет для собственной эвакуации или, что еще хуже, начнет качать права и мешать персоналу, указывая на убытки от массового выезда.

Вместо этого он действовал быстрее, чем она успела отдать приказ.

Она посмотрела ему в глаза. Между ними еще висело напряжение вчерашней ночи, густое и тяжелое, но сейчас оно было отодвинуто на задний план общей угрозой.

— Вы не уезжаете? — прямо спросила она.

— Это мой актив, Марина, — ответил он, и в его тоне прозвучала сталь. — Я не бросаю свои вложения при первых признаках плохой погоды. Какие у нас узкие места?

Марина кивнула, принимая его помощь. В условиях кризиса гордость была непозволительной роскошью. — Кухня, медикаменты и открытые террасы. Если ветер поднимет мраморные столики у бассейна, они пробьют стеклянные фасады первого этажа как пушечные ядра. Нам нужно убрать внутрь тонны мебели, а у меня в смене всего четверо носильщиков. Остальные занимаются расселением.

— Я беру террасы на себя, — коротко бросил Даниэль. — Займитесь гостями. Люди сейчас будут напуганы. Им нужно видеть уверенного руководителя.

Он развернулся и быстро направился в сторону внутреннего двора, на ходу отдавая команды по спутниковому телефону. Марина смотрела ему вслед. Черная футболка натянулась на его широкой спине. В нем не было ни капли той корпоративной чопорности, которую она так ненавидела. Он двигался как солдат, услышавший сигнал тревоги.

Следующие несколько часов слились для Марины в бесконечный, изматывающий маршфон. Она была везде. В ресторане она вместе с шеф-поваром Эдуардом проверяла запасы сухих пайков, бутилированной воды и газовых баллонов на случай отключения электричества. В медицинском кабинете пересчитывала ампулы с инсулином и сердечными препаратами, готовя экстренные аптечки.

В холле нарастала паника. Гости, разбуженные воем сирен из соседнего городка, спускались вниз в халатах, с наспех собранными чемоданами. Дети плакали. Пожилая пара из Швейцарии устроила скандал, отказываясь переезжать из своего люкса с видом на океан в темный номер без окон в центре здания.

Марина лавировала между ними, успокаивая, убеждая, организуя. Ее голос не дрогнул ни разу, хотя внутри все сжималось от страха перед тем воющим зверем, который приближался к побережью.

Около полудня небо окончательно прорвало. Первые порывы ветра ударили в здание отеля с такой силой, что тяжелые хрустальные люстры в лобби угрожающе зазвенели. Дождь обрушился не каплями, а сплошной, непроницаемой серой стеной, которая мгновенно превратила день в сумерки.

Океан, еще вчера манивший своей лазурью, теперь выглядел как кипящий котел черной смолы. Волны с грохотом разбивались о волнорезы, перебрасывая столбы соленой пены прямо на территорию отеля.

Марина закончила с последним списком эвакуированных. Автобусы успели уйти до того, как полиция перекрыла трассу. В «Марево» осталось сорок гостей и тридцать сотрудников. Они были отрезаны от мира.

Она выдохнула, потирая ноющие виски, и вдруг вспомнила про открытые террасы.

Марина бросилась по коридору в сторону южного крыла. Сердце колотилось в горле. Если они не успели занести мебель, первый же ураганный порыв превратит ее в смертоносные снаряды.

Она распахнула тяжелые технические двери, ведущие в стеклянную галерею у бассейна, и замерла, пораженная открывшейся перед ней картиной.

На огромной открытой террасе, под хлещущим, ледяным ливнем, шла отчаянная борьба со стихией. Ветер уже сбивал с ног, гнул к земле вековые пальмы и срывал ветки с бугенвиллей. Двое носильщиков и пожилой садовник Матео, тот самый, которого Даниэль вчера хотел уволить, пытались сдвинуть с места массивный вазон с цитрусовым деревом. Они поскальзывались на мокрой плитке, их дождевики трепало как флаги на мачте.

Но в центре этого хаоса был он.

Дэниэль Кроу.

Он был без куртки. Черная футболка намокла насквозь в первые же минуты и теперь прилипла к его телу, как вторая кожа, рельефно обрисовывая каждую мышцу, каждый изгиб мощного торса. Он работал в паре с Максом, молодым портье. Вместе они поднимали тяжеленный кованный диван.

Марина стояла за стеклом, не в силах оторвать взгляд. Она видела, как напряглись мышцы на руках Даниэля, как вздулись вены на его шее от нечеловеческого усилия. Вода струилась по его лицу, заливала глаза, но он лишь резко тряс головой, отбрасывая намокшие волосы со лба, и продолжал тащить металлическую конструкцию к дверям склада.

Он не отдавал приказы, стоя в стороне. Он не прятался за своим статусом. Мужчина, чье состояние исчислялось сотнями миллионов фунтов стерлингов, чьи руки привыкли держать только перьевые ручки и бокалы с коллекционным скотчем, сейчас работал грузчиком, утопая по щиколотку в грязной воде, чтобы спасти ее отель.

В какой-то момент один из носильщиков, поскользнувшись, выронил край мраморной столешницы. Тяжелая плита с грохотом рухнула на плитку, едва не отдавив ногу старому Матео. Садовник вскрикнул и упал.

Дэниэль отреагировал мгновенно. Бросив свою ношу, он бросился к старику сквозь стену дождя и ветра. Он подхватил Матео под мышки с такой легкостью, будто тот ничего не весил, и оттащил в безопасное место, под навес галереи. Марина видела, как Даниэль что-то прокричал прямо в ухо старику, перекрывая вой бури, проверяя, целы ли кости, а затем похлопал его по плечу и снова ринулся в непогоду, к упавшей столешнице.

В груди Марины что-то надломилось. Глухая, прочная стена неприязни, которую она возвела между ними с первой минуты его появления, дала огромную, зияющую трещину.

Она смотрела на него — на его мокрую, сильную спину, на уверенные, грубые движения — и чувствовала, как к горлу подкатывает странный, горячий ком. Это было не просто уважение. Это было пронзительное, почти болезненное осознание его мужской, первобытной силы. Силы созидательной, а не разрушительной. Он защищал то, что было ей дорого. Защищал тех, кого вчера готов был стереть в порошок.

Марина толкнула стеклянную дверь и шагнула в ревущий хаос бури.

Ветер мгновенно выбил из нее воздух, швырнув в лицо горсть ледяных капель и песка. Она пошатнулась, но устояла, крепко сжав зубы.

— Эй! — закричала она, бросаясь к огромному мраморному столу, который Даниэль и Макс теперь пытались поднять вдвоем. Плита весила не меньше двухсот килограммов. Их руки скользили по мокрому камню.

Дэниэль поднял голову. Увидев ее, он изменился в лице.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — его рык прорезался даже сквозь рев урагана. Он впервые обратился к ней на «ты», без всякого британского политеса. — Вернись внутрь! Здесь небезопасно!

— Я не оставляю вас! — прокричала Марина в ответ, подбегая к свободному углу столешницы. — Взяли! На счет три!

Она просунула замерзшие пальцы под скользкий, холодный край камня. Даниэль бросил на нее дикий, злой взгляд, в котором смешались тревога и странное, яростное восхищение.

Спорить было некогда. Очередной порыв ветра заставил стеклянные фасады отеля угрожающе застонать.

— Раз! Два! Три! — рявкнул Даниэль.

Они рванули одновременно. Марина почувствовала, как мышцы спины и рук взвыли от напряжения, но камень оторвался от земли. Они потащили его к раскрытым дверям технического коридора. Шаг. Еще шаг. Дождь заливал глаза, ветер толкал в спину, словно невидимая гигантская рука.

Они двигались в унисон. В этой экстремальной, грязной, физически тяжелой работе между ними возникла абсолютная, пугающая синхронность. Как будто они были двумя частями одного механизма. Марина чувствовала ритм его движений, подстраивалась под его силу.

Когда они наконец втащили столешницу в сухое помещение склада и опустили ее на бетонный пол, Марина привалилась спиной к стене, судорожно хватая ртом воздух. Ее грудь тяжело вздымалась, мокрые волосы облепили лицо.

Дэниэль стоял в двух шагах от нее. Он дышал так же тяжело. Его черная футболка прилипла к груди, прорисовывая темные контуры сосков. Вода ручьями стекала с его подбородка, капала с ресниц. На скуле темнела ссадина — видимо, зацепило веткой.

В полумраке технического коридора, под гул ветра снаружи, они смотрели друг на друга.

Это был уже не взгляд врагов. Это был взгляд выживших. Марина смотрела на то, как пульсирует жилка на его шее, и чувствовала, как внутри нее распускается темный, горячий цветок совершенно нового желания. Желания, основанного не только на химии феромонов, но и на глубоком, инстинктивном признании его надежности. Он был тем, за кем можно было пойти в огонь и в воду. Буквально.

— Ты с ума сошла, Востокова, — хрипло произнес Даниэль. Его голос сорвался, прозвучав ниже обычного.

Он сделал шаг к ней. Вода с его одежды капала на бетонный пол. Он поднял руку и, не задумываясь, не спрашивая разрешения, грубоватым, но удивительно бережным движением убрал мокрую прядь волос с ее лица.

Его пальцы были ледяными от дождя, но Марину обожгло этим прикосновением. Она вздрогнула, широко раскрыв глаза. Ее дыхание на секунду остановилось.

Дэниэль не убрал руку. Его большой палец скользнул по ее мокрой щеке, стирая грязь и дождевую воду. В его серых глазах, сейчас темных, как сам шторм, вспыхнул огонь, от которого у Марины задрожали колени. Вчера в кабинете это была игра на подавление. Сейчас, здесь, на фоне ревущей стихии, это было нечто гораздо более глубокое, настоящее и неотвратимое.

— Вы спасли Матео, — прошептала она, не в силах отвести взгляд. — Спасибо.

Его губы дрогнули. Он хотел что-то ответить, его лицо начало неумолимо приближаться к ее лицу. Расстояние между ними сократилось до опасного минимума. Запах озона смешался с горячим мускусом его тела, запахом пота и дождя, создавая самый дурманящий коктейль, который Марина когда-либо вдыхала.

Но в этот момент здание содрогнулось.

Это был не порыв ветра. Это был удар. Глухой, низкочастотный гул прошел по бетонным перекрытиям, заставив вибрировать пол под их ногами.

Марина резко повернула голову в сторону холла. — Первая волна, — выдохнула она, мгновенно приходя в себя. — Она ударила в пирс.

Очарование момента было разбито вдребезги. Они снова стали управляющей и инвестором, несущими ответственность за десятки жизней.

— В укрытие, — скомандовал Даниэль. Он перехватил ее за руку, крепко сжав пальцы, и потянул за собой.

Они выбежали из галереи и помчались по внутренним коридорам к главному лобби. Там, вдали от панорамных окон, на расставленных диванах и матрасах сидели оставшиеся гости и персонал. Дети жались к матерям. Анна разносила горячий чай из термосов.

Снаружи рев урагана достиг немыслимой частоты. Звук напоминал рев турбин идущего на взлет Боинга. Ветер рвал внешнюю обшивку, со звоном бились о камни сорванные черепицы.

Марина и Даниэль вбежали в центр холла, тяжело дыша, насквозь промокшие. Они все еще держались за руки — их пальцы переплелись так крепко, словно они были спасательным тросом друг для друга. Марина только сейчас осознала это, но не стала отпускать его ладонь. В его хватке было столько уверенности, что она передавалась ей через кожу.

— Все внутри? — громко спросила Марина, обращаясь к Анне.

— Да! Все сорок гостей и тридцать сотрудников. Двери заблокированы!

— Отлично. Всем оставаться на местах, — Даниэль взял на себя инициативу. Его голос, усиленный акустикой холла, звучал властно и успокаивающе одновременно. Гости затихли, инстинктивно подчиняясь сильному лидеру. — Центр циклона накроет нас через пятнадцать минут. Здание рассчитано на такие нагрузки. Сохраняйте спокойствие...

Он не успел договорить.

Снаружи раздался звук, похожий на взрыв. Он был таким громким, что у Марины заложило уши. Это гигантская, пятнадцатиметровая волна перемахнула через защитные молы и всей своей чудовищной массой обрушилась на каменный пирс отеля. Земля дрогнула.

В ту же секунду все освещение в лобби разом мигнуло.

Ослепительная вспышка короткого замыкания где-то на внешней подстанции отразилась в окнах, залив холл призрачным синим светом. Раздался пронзительный треск.

И мир погрузился в абсолютную, непроглядную, черную тьму.

Отключилось все. Погасли аварийные указатели, остановился гул климатических систем. В наступившей кромешной темноте стал слышен только первобытный, оглушительный вой урагана, пытающегося прорваться внутрь.

Марина судорожно вдохнула невидимый воздух. В этой пугающей тьме, под крики испуганных людей, единственным якорем реальности оставалась сильная, горячая мужская рука, которая сжала ее пальцы еще крепче, притягивая к себе.

— Я держу тебя, — раздался шепот Даниэля прямо над ее ухом, и в этом шепоте было больше защиты, чем в любых бетонных стенах.

5

Тьма в лобби была непроглядной, ощутимой, словно густая тушь. Лишь на мгновение, когда очередная молния разрывала предгрозовое небо за заколоченными щитами окнами, стены холла озарялись призрачным, фосфоресцирующим светом. Здание «Марево» поскрипывало под ударами урагана, как старый парусник в открытом океане, но держало удар.

Марина сделала глубокий вдох, ощущая, как горячая ладонь Дэниэля все так же крепко сжимает ее пальцы.

— Персонал знает, где находятся аварийные фонари и свечи, — прошептала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце все еще выстукивало сумасшедший дробный ритм. — Нам нужно успокоить людей.

— Я займусь тем, чтобы организовать дежурство, — ответил Дэниэль. Его голос над ее ухом прозвучал бархатисто и удивительно спокойно, рассеивая панику. — А ты проверь кухню и распределение воды.

В течение следующих двух часов они действовали в полной темноте, освещаемой лишь скупыми лучами карманных фонариков и пляшущими язычками свечей. Марина координировала расселение гостей в глубоком, наиболее защищенном крыле отеля, выдавала пледы, следила за тем, чтобы у каждого был доступ к питьевой воде и простым закускам. Дэниэль вместе с технической службой проверял задвижки на окнах, проверял состояние заблокированных выходов и контролировал работу резервного генератора, который, увы, сгорел от перепада напряжения при первом ударе молнии — плата восстановления требовала запчастей из города.

Отель был окончательно отрезан от материка. Телефонная связь упала, вышки сотовой связи на побережье повредило ветром, а единственная дорога-серпантин, ведущая к городу, была завалена поваленными соснами и частично разрушена оползнем.

К десяти вечера паника среди постояльцев улеглась. Люди, уставшие от эмоционального напряжения и убаюканные глухим, монотонным ревом бури за толстыми каменными стенами, разошлись по отведенным им безопасным номерам. Персонал устроил временный отдых в служебной гостиной.

Отель погрузился в полумрак и тишину, нарушаемую лишь пением ветра в дымоходах.

Марина поднялась в малую гостиную при ресторане — единственное место на первом этаже, где имелся действующий открытый камин. Захватив с собой пару фонарей, поднос с остатками холодного утиного террина, свежим багетом, сыром и бутылкой выдержанного каберне совиньон, она рассчитывала провести эту ночь на диване перед огнем.

Когда она переступила порог, то обнаружила, что камин уже полыхает. Сухие дубовые поленья трещали, наполняя комнату густым, уютным телом и запахом древесного дыма.

На ковре перед огнем сидел Дэниэль.

Впервые с момента их знакомства он выглядел раздетым до своей истинной сути. Он сидел в темно-серой футболке, которая облегла его широкие плечи. Его волосы, подсохшие после ливня, были слегка растрепаны. В полумраке, освещаемом только пляшущими языками каминного пламени, он не казался безжалостным инвестором из «Aegis Capital». Он выглядел просто мужчиной — сильным, уставшим, но бесконечно привлекательным в своей небрежной расслабленности.

— Я подумал, что камин нам не помешает, — произнес он, поворачивая к ней голову. В его серых глазах отражались золотые отсветы огня. — Твой садовник, Матео, показал, где лежат сухие дрова.

— Спасибо, — Марина подошла ближе и опустила поднос на низкий журнальный столик из темного дерева. — Вы потратили много сил сегодня, Дэниэль. И людям было важно видеть ваше спокойствие.

— Как и твое, — он чуть подвинулся, освобождая место на мягком персидском ковре перед очагом. — Садись. Спорить о сокращениях штата при свечах мы все равно не сможем.

Марина помешкала долю секунды, а затем опустилась на ковер рядом с ним. Дистанция между ними составляла не больше полуметра, но ощущение интимности происходящего заставляло кожу покрываться мурашками. Отрезанные от всего мира штормом, запертые в каменном замке на краю скалы, они оказались в некоем вневременном пространстве, где привычные роли больше не имели значения.

Она разлила глубокое, темное вино по двум хрустальным бокалам и протянула один ему.

Дэниэль взял бокал, их пальцы снова случайно соприкоснулись, и по руке Марины опять пробежал уже знакомый, электрический импульс. Она сделала небольшой глоток. Терпкий, согревающий вкус вишни и дуба плавно разлился по телу, снимая дикое напряжение прошедших суток.

— Красивый отель, — негромко произнес Дэниэль, глядя на огонь. Он сделал глоток вина, подперев подбородок рукой. — Знаешь, когда я летел сюда, я думал, что увижу очередной убыточный проект с раздутым штатом и восторженной управляющей, которая витает в облаках.

— А увидели? — Марина повернула к нему профиль, обхватив свой бокал обеими ладонями.

— Увидел женщину, которая дралась за этот отель с ревом дикого зверя, — в его голосе послышалась легкая, теплая усмешка. — И увидел место, у которого действительно есть свой характер. Это редкое качество для современного бизнеса.

Марина чуть улыбнулась, опустив взгляд. — Для меня «Марево» — не просто работа. Это единственное место, где я смогла собрать свою жизнь заново.

— Заново? — Дэниэль бросил на нее быстрый, внимательный взгляд.

Тень уязвимости скользнула по лицу Марины. Обычно она никогда не делилась личным с посторонними, тем более с представителями инвесторов. Но темнота, треск дров, бокал вина и эта странная, внезапно возникшая между ними нить доверия развязывали язык.

— Мой отец был ресторатором, — тихо начала она, глядя, как языки пламени обнимают дубовое полено. — У него была небольшая сеть семейных заведений на юге. Он был невероятно талантливым поваром, но абсолютно не умел вести дела. Он верил людям на слово, брал необдуманные кредиты под залог дома, пускал к себе «партнеров», которые в итоге просто обворовали его. Когда мне было двадцать два, все рухнуло. Банкротство, опись имущества, инфаркт отца...

Она замочила на секунду, глотнув еще вина. Дэниэль слушал молча, не перебивая, и в его молчании не было сочувственного покровительства — лишь глубокое, уважительное внимание.

— Я поклялась себе, что никогда не окажусь на месте отца, — продолжила Марина. — Я выучилась на отельного менеджера, пахала по шестнадцать часов в сутки, изучила каждую цифру, каждый закон. Я пришла в «Марево», когда он был в упадке, и выстроила систему, где никто не сможет совершить глупую ошибку. Я держу все под контролем, потому что знаю: стоит ослабить хватку — и хаос уничтожит всё.

— Контроль как броня, — резюмировал Дэниэль. Его голос прозвучал мягко, почти сочувственно. — Знакомое чувство.

Марина посмотрела на него: — Вы тоже боитесь хаоса? Вы, человек с безупречной репутацией и неограниченными ресурсами?

Дэниэль усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. Он отставил бокал на столик и обхватил руками согнутые в коленях ноги, вглядываясь в огонь. В полумраке его резкий профиль казался высеченным из темного дерева.

— Ресурсы не защищают от детских травм, Марина, — тихо сказал он. — Мои родители были идеальной парой для глянцевого журнала. Отец — биржевой брокер, мать — светская львица из старинного рода. У нас был огромный дом в Мэйфэр, слуги, выездные ужины. А за закрытыми дверями царил ад.

Он сделал паузу, его пальцы сжались в кулак. Марина заметила, как костяшки его пальцев побелели.

— Отец играл на бирже не только на деньги компании, но и на эмоции семьи. Истерики, битая посуда, постоянные угрозы разорения, сменявшиеся безумными покупками спортивных машин. Я рос в атмосфере абсолютной, непредсказуемой нестабильности. Ты никогда не знал, проснешься ли ты завтра богачом или нищим, поцелует тебя отец или выбросит твои вещи в окно. В четырнадцать лет я проснулся от того, что в дом вошли приставы. Отец проиграл все и просто сбежал в Южную Америку, оставив нас с матерью с кучей долгов.

Марина замерла. Она впервые видела, как этот стальной, отстраненный человек сдирает с себя слои защиты. За его жесткой логикой, за его требованием безупречных отчетов и стремлением оптимизировать каждую мелочь стояла та же самая боль, что и у нее — страх перед неконтролируемым разрушением.

— Мать так и не оправилась, — продолжал Дэниэль, и его голос стал совсем тихим, почти сливаясь с шелестом огня. — Она запивала таблетки алкоголем, пока её сердце не остановилось через три года. Тогда я дал себе слово: я никогда больше не буду зависеть от чужих эмоций, от слепых случайностей, от «души» или «вдохновения». Только цифры. Только жесткий расчет. Если ты контролируешь каждую деталь, тебя невозможно ранить. Хаос не сможет прорваться через систему.

— Но жизнь — это и есть хаос, Дэниэль, — тихо произнесла Марина, сделав шаг ближе по ковру. Теперь их плечи почти соприкасались. — Шторм за окном. Влюбленность. Болезни. Мы не можем просчитать всё. И пытаться вычистить из жизни все эмоциональное — значит превратить себя в мумию при жизни.

Дэниэль повернул к ней голову. В его серых глазах больше не было льда. Там стояла глубокая, застарелая усталость человека, который слишком долго нес на себе тяжесть собственного контроля.

— Возможно, — выдохнул он. — Но открыться хаосу — значит стать уязвимым. А я не умею быть уязвимым, Марина.

Они смотрели друг на друга в тишине. Огонь в камине вспыхнул яростнее, отбрасывая длинные тени на стены. В этот момент Марина ощутила к нему не просто влечение — она ощутила глубокое, почти родственное понимание. Две израненные души, выстроившие вокруг себя высокие крепостные стены, вдруг оказались лицом к лицу на руинах собственной защиты.

Импульс, чистый и искренний, заставил Марину поднять руку.

Она опустила ладонь на его широкое плечо. Его мышцы под темно-серой тканью футболки были напряжены как стальные тросы.

— Вы не один, Дэниэль, — прошептала она. — Здесь, в эту ночь... вам не нужно ничего контролировать.

Дэниэль замер от ее прикосновения. Он посмотрел на ее ладонь, затем снова в ее темные, сияющие в свете огня глаза.

А затем его собственная защита окончательно рухнула.

С тихим, тяжелым выдохом он подался вперед и обнял ее.

Это было искреннее, глубокое, отчаянное объятие человека, который долго искал прибежища. Его сильные руки обняли ее за талию, притягивая к себе, и он уткнулся лицом в изгиб ее шеи.

Марина ахнула от неожиданности, но тут же ответила на объятие. Она обняла его за широкую спину, запустив пальцы в его густые, чуть выющиеся волосы на затылке.

Жар его тела мгновенно окутал ее. От него пахло костром, морем, его дорогим парфюмом и чисто мужским, пьянящим теплом. Марина прижалась к нему всем телом, чувствуя, как бешенно стучит его сердце у нее в груди. Они держались друг за друга, как два утопающих среди бушующего океана.

Дэниэль чуть сдвинулся, его дыхание обожгло чувствительную кожу на ее шее. Он медленно поднял голову, его лицо оказалось в миллиметре от ее лица.

Марина замерла, ее губы приоткрылись в немом ожидании поцелуя. Она хотела этого. Впервые за все эти дни она до судороги, до дрожи в пальцах хотела, чтобы его жесткие губы накрыли ее губы.

Но Дэниэль не стал ее целовать в губы.

Вместо этого он чуть приподнялся и с невероятной, трепетной нежностью прикоснулся губами к ее виску.

Поцелуй был долгим, горячим и чистым. Его губы задержались на ее коже, впитывая ее пульс, её запах лаванды и морской соли. Это было проявление такой глубокой опеки, такой нежности и уважения, что у Марины перехватило дыхание, а на глаза навернулись слезы. Это касание ранило сильнее, чем любой страстный порыв, потому что оно проникало прямо в душу, минуя телесную броню.

— Марина... — тихо прошептал он в ее висок, и в его голосе прозвучало сокрушительное смятение.

Он отстранился на несколько сантиметров, глядя ей в глаза.

В его взгляде читался испуг. Настоящий, неоспоримый страх человека, который осознал, что только что переступил черту, возврата из-за которой уже не было. Он позволил себе чувствовать. Он позволил ей увидеть свою слабость. И эта искренность напугала его сильнее, чем любой ураган за окнами.

Марина смотрела на него, тяжело дыша, ощущая, как ее собственное сердце разрывается от смешанных чувств. Ей тоже было страшно. Это было не просто влечение к красивому, богатому мужчине. Это было начало чего-то настоящего, грозящего разрушить всю ее выверенную, безопасную жизнь.

Дэниэль резко разжал руки.

Он поднялся на ноги единым, быстрым движением, восстанавливая дистанцию. Его лицо снова накрыла непроницаемая маска, но руки слегка дрожали.

— Уже поздно, — его голос прозвучал неестественно сухо, хрипло, словно он заставлял себя произносить эти слова. — Шторм начинает стихать. Завтра будет много работы.

Марина осталась сидеть на ковре, снизу вверх глядя на него. Ей казалось, что её сбросили с вершины горы обратно в холодную реальность.

— Дэниэль... — тихо окликнула она его.

— Нам обоим нужно поспать, Марина, — жестко перебил он ее, не давая произнести ни слова больше. — До завтра.

Он развернулся и быстрым, размашистым шагом покинул малую гостиную, скрывшись в полумраке коридора. Дверь за ним не хлопала, но тишина, воцарившаяся в комнате после его ухода, показалась Марине оглушительной.

Она осталась одна перед угасающим камином. Отблески пламени догорали на дубовых поленьях, а на ее виске все еще горел след от его поцелуя — нежный, защищающий и пугающий

своей неотвратимостью. Шторм за окнами действительно начинал утихать, но Марина знала: самый главный шторм в ее жизни только что начался.

6

Утро после шторма пришло в «Марево» не ласковым светом, а резким, почти ослепляющим сиянием. Небо, еще вчера грозившее уничтожить все живое, очистилось до глянцевой, пронзительной лазури. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь рассеивающиеся клочья серых туч, больно резали глаза, отражаясь от тысяч луж на белом камне и еще бушующего, но уже утихающего океана.

Марина не смыкала глаз до самого рассвета. Поцелуй Даниэля в висок, его жесткий, почти панический побег из гостиной и вибрирующий гул невысказанного признания стояли между нею и сном, как глухая стена.

Она стояла у разбитого стеклянного ограждения главной террасы отеля. Внизу, у подножия скал, волны всё еще с диким ревом выбрасывали на берег обломки ветвей, водоросли и мелкую гальку. Терраса выглядела плачевно: выдранные с корнем вьющиеся бугенвиллеи, смещенные мраморные плиты, сорванные тенты. Но главное — само здание выстояло. Отель был цел.

Марина была в простых темно-синих джинсах, белой шелковой блузке и кашемировом кардигане цвета песка. Ее волосы были собраны в привычный низкий узел, но пальцы всё еще помнили, как вчера вечером в них путались густые пряди Даниэля.

На террасе раздались шаги.

Она не повернулась — узнала их сразу. Неторопливая, размеренная походка человека, который снова полностью собрал себя воедино.

Даниэль подошел и встал рядом у надломленного перила. На нем снова был идеальный темно-серый костюм-тройка, белоснежная рубашка и темный галстук, затянутый под самое горло. Ни единого следа вчерашнего хаоса: мокрой футболки, ссадины на скуле, уязвимости в серых глазах. Снова броня. Снова корпоративный монстр из *Aegis Capital*.

Только запах — пронзительный кедр, сандал и тонкая нотка заваренного кофе — остался прежним.

— Технические службы расчищают серпантин, — произнес он, не глядя на нее. Его голос был ровным, сухим, без единой эмоции. — К полудню проезд будет открыт. Электричество восстановят к вечеру, резервный генератор уже чинят. Мы понесем небольшие убытки по страховым выплатам, но в целом катастрофы не произошло.

— Замечательно, мистер Кроу, — ответила Марина с той же ледяной вежливостью, хотя внутри у нее все сжалось от этого вернувшегося «мистер Кроу». — Рада, что ваш актив не пострадал.

Даниэль молчал несколько секунд. Океан внизу шумел, впитывая утренний свет.

— Перестань, Марина, — тихо, но веско произнес он.

Она повернула голову. Даниэль смотрел на нее прямо. В его серых глазах больше не было вчерашнего страха уязвимости, но не было и холода. Там царила абсолютная, трезвая, расчетливая определенность. Он принял решение.

— О чем вы?

— О вчерашнем вечере, — он сделал шаг к ней, разворачиваясь вполоборота. — И о том, что происходит между нами с той самой секунды, как я переступил порог этого отеля.

Сердце Марины пропустило удар, но она лишь крепче сжала пальцы на кардигане.

— Между нами ничего не происходит, кроме делового конфликта из-за вашего списка сокращений.

— Не лги себе, — перебил он ее, и в его тоне прорезалась властная, непререкаемая нота. — Мы можем сколько угодно делать вид, что мы профессионалы, спорящие о бюджетах. Но факты остаются фактами. Вчера в кабинете мы едва не занялись сексом у двери. Вчера у камина

я целовал тебя, а ты держала меня за шею, как спасательный круг. Между нами существует физическое притяжение такой силы, что оно начинает мешать моей работе и твоей управляемости.

Слова упали между ними, как тяжелые камни на мрамор террасы. Марина почувствовала, как к щекам приливает горячая кровь. Быть обнаженной эмоционально перед этим человеком было почти физически больно, но его откровенность заставила ее выпрямить спину.

— И что вы предлагаете, Дэниэль? Внести это притяжение в таблицу расходов?

— Именно, — без тени иронии ответил он.

Даниэль сделала шаг ближе. Ветер с океана трепал полы его пиджака.

— Я не верю в романтику, Марина. Я не верю в «долго и счастливо», в судьбу и прочий романтический мусор, которым набиты женские романы. Я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются эмоциональные связи — они уничтожают бизнес и ломают людей. Но я также прагматик. Отрицать влечение — глупо. Игнорировать его — значит позволить ему управлять нами в самый неподходящий момент.

— Вы предлагаете сделку, — догадалась Марина. Ее голос прозвучал сдавленно.

— Я предлагаю контракт, — поправил он. — Временный. Понятный. С четкими границами.

Даниэль поднял руку и загнул один палец:

— **Правило первое.** Это роман до конца летнего сезона. В сентябре я закончу аудит, передам отчет фонду и уеду в Лондон. Никаких продолжений, никаких претензий на будущее.

Он загнул второй палец:

— **Правило второе.** Никаких обязательств и никаких чувств. Мы удовлетворяем физическую потребность. Мы берем то, что хочет наше тело, но оставляем эмоции за дверью. Мы не лезем в прошлые травмы друг друга, не играем в спасателей и не строим иллюзий.

Он загнул третий палец:

— **Правило третье.** Полная конфиденциальность. Никто в отеле, ни один сотрудник, ни один представитель фонда не должен даже догадываться об этом. На людях мы — жесткий инвестор и непреклонная управляющая. Наша близость существует только за закрытыми дверями и только тогда, когда мы оба этого хотим.

Марина стояла, оглушенная его словами. В его речи не было ни капли страсти — только строгая, прагматичная логика предпринимателя, оформляющего аренду оборудования.

Но подсознание Марины — ее собственное, перепуганное, жаждущее контроля подсознание — мгновенно зацепилось за эту конструкцию.

«Сделка. Контракт. Границы».

Это был язык, который она понимала. Загнать их безумную, разрушительную страсть в рамки соглашения было единственным способом не сойти с ума. Если они заключат этот контракт, она сможет контролировать свои растущие желания. Она получит доступ к Даниэлю, станет к нему ближе — а значит, сможет влиять на его решения по отелю! Она сможет оттянуть увольнения, защитить Матео, показать ему истинную ценность «Марево», пока длится это лето.

Это был риск. Смертельный риск для ее сердца, но ее профессиональный и защитный инстинкт возобладали.

— А если я скажу «нет»? — тихо спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Тогда мы вернемся к сугубо деловым отношениям, — без колебаний ответил Даниэль. — Я закончу оптимизацию по первоначальному жесткому сценарию, сокращу тридцать процентов штата, а ты продолжишь смотреть на меня с ненавистью. Выбор за тобой, Марина.

Он манипулировал ею. Опытно, тонко, точно зная, на какие педали нажимать. Но в этой манипуляции была честность, которая привлекала ее вопреки здравому смыслу.

Марина глубоко вдохнула соленый, искрящийся на солнце воздух побережья.

— До конца сезона, — медленно произнесла она. — Никаких чувств. Никаких вопросов о будущем. Полная тайна.

— И ты не вмешиваешь личные отношения в мои решения по бизнесу, — добавил он, прищурившись.

— Только если твои решения не уничтожат этот отель, Кроу, — парировала она, переходя на «ты». — Сделка?

Даниэль молча смотрел на нее пару секунд. В глубине его серых глаз промелькнула едва заметное, удовлетворенное пламя. Хищник получил то, чего добивался.

— Сделка, — произнес он и протянул ей руку.

Это должен был быть обычный деловой жест. Рукопожатие, скрепляющее устный договор двух взрослых, рациональных людей.

Марина протянула свою ладонь. Ее тонкие пальцы коснулись его ладони.

Но вместо того чтобы сжать ее руку в холодном, официальном рукопожатии, Даниэль изменил движение. Его пальцы мягко подхватили ее кисть снизу, разворачивая ее тыльной стороной вверх.

Марина замерла.

Даниэль сделал шаг вплотную к ней, накрывая ее своей тенью и полностью отрезая от солнечного света террасы. Запах кедра, сандала и свежего кофе обожег ее рецепторы.

Он не отрывал взгляда от ее глаз. Его большой палец — шершавый, горячий, сильный — медленно, с ощутимым давлением прошелся по нежной коже на тыльной стороне ее ладони. От запястья к костяшкам. Вдоль тонких синих вен.

Это движение было медленным, почти пыточным. Электрический разряд такой силы пронзил тело Марины, что у нее прервалось дыхание, а внизу живота все сжалось в тугую, пульсирующий узел. Вся ее рациональность, все ее выстроенные пять секунд назад «правила» и «границы» с треском рухнули под этим единичным прикосновением.

Даниэль наклонился к ее уху. Его дыхание — горячее, с терпким оттенком кофе — коснулось её мочки.

— И самое главное, — прошептал он хриплым, вибрирующим голосом, от которого по ее спине пробежала волна мурашек. — **Правило номер один, Марина: когда мы одни, ты перестаешь контролировать всё.** Контроль здесь принадлежит мне.

Он слегка сжал ее ладонь, выждал секунду, давая ей прочувствовать всю глубину своей капитуляции, а затем плавно отпустил ее руку.

— Жду тебя в моем пентхаусе в восемь вечера, — спокойно произнес он обычным деловым тоном, будто назначал совещание по бюджету, развернулся и неторопливо пошел в сторону лобби.

Марина осталась стоять на разрушенной террасе. Солнце жгло ее плечи, океан ревел у подножия скал, а тыльная сторона ее ладони все еще горела от его невыносимого, обещающего абсолютный хаос прикосновения. Она подписала контракт с дьяволом. И самое страшное было в том, что она ждала восьми вечера с таким диким, неопишуемым восторгом, какого не испытывала еще никогда в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.